

Тяжёлый разговор срубил последние остатки тепла, и атмосфера в маленьком дворике стала ещё более давящей. Шэнь Чуншань, судя по всему, всё искал случая вновь завести разговор с сыном, но Шэнь Нянь — не то умышленно, не то повинувшись какому-то внутреннему чутью — постоянно ускользал, не давая отцу ни малейшей возможности заговорить.

После шестого дня Нового года Шэнь Нянь снова ушёл в учёбу с головой: уходил на дополнительные занятия ни свет ни заря, а возвращался глубокими сумерками. Едва отгремел Праздник фонарей, он и вовсе уехал в школу, вернувшись к привычному ритму, когда дома его не видели неделями. Шэнь Чуншань несколько раз навещал его в общежитии. Шэнь Нянь выходил на встречи, вёл себя абсолютно как прежде: по-прежнему называл его отцом, но разговоров не затягивал.

Со временем Шэнь Чуншань свыкся. В конце концов, Шэнь Нянь всегда был таким — попытайся переделать его, только сломаешь. К тому же жизнь подбрасывала слишком много других забот, так что отдавать все силы и мысли одному лишь сыну отец просто не мог.

День шёл за днём. Шэнь Няню предстояли выпускные экзамены за девятый класс. Хотя за его оценки беспокоиться не приходилось, сама подготовка давала идеальный повод не появляться дома. Впервые за долгое время он переступил порог родного двора только на Первомай. К тому моменту он успел почти позабыть и этот старый дворик, и мальчишку по имени Гу Чжи.

То ли повзрослев на год, тот стал сдержаннее, то ли сказалась долгая разлука, но Шэнь Нянь сразу заметил, что Гу Чжи ощутимо вытянулся. Да и взгляд, которым он теперь мерил Шэнь Няня, лишился прежней липкой неприятной тяжести.

Повзрослел он или просто научился лучше прятать свою суть? Шэнь Нянь не знал да и выведывать не стремился.

Шэнь Чуншань по такому случаю наготовил кучу вкусностей, расспросил об учёбе и жизни. Шэнь Нянь сдержанно отвечал на всё. Атмосфера за столом казалась даже уютнее, чем в прошлом году — быть может, оттого, что, разложив всё по полочкам, оба сбросили с плеч давний груз.

Шэнь Нянь надеялся, что этот хрупкий мир продержится и дальше. Он спокойно сдаст экзамены, поступит в старшую школу, продолжит жить в общежитии, а Гу Чжи останется подле Шэнь Чуншаня — близкий к идеалу баланс.

Но обратная сторона любого баланса — нелепая случайность, способная разрушить его в мгновение ока. Шэнь Нянь допускал подобный исход, но не думал, что всё рухнет так скоро.

В середине мая, минутам за пятнадцать до конца последнего урока, у дверей класса появился классный руководитель, учитель Сун. Поискав взглядом Шэнь Няня, он произнёс:

— Шэнь Нянь, выйди на минутку.

Шэнь Нянь учился отлично и часто помогал учителям, поэтому его вызов ни у кого не вызвал удивления. Лян Цю лишь вскинул голову и тут же вновь уткнулся в тетрадь. Сам Шэнь Нянь тоже решил, что речь идёт о какой-нибудь мелкой просьбе, однако, разглядев на лице учителя Суна неуверенность и заминку, понял: всё куда серьёзнее.

— Учитель Сун, что-то произошло?

— Только что звонил твой отец, — заговорил учитель, тревожно поглядывая на ученика. — Просил передать, чтобы ты сегодня забрал младшего брата из школы. Он попал в аварию и пока не может отлучиться.

Слово «авария» болезненно отозвалось в груди, но Шэнь Нянь быстро взял себя в руки. Раз отец смог сам позвонить учителю и распорядиться насчёт Гу Чжи, значит, ничего катастрофического не произошло. По крайней мере, угрозы жизни нет. И всё же, тревожась за отца, Шэнь Нянь попросил у учителя Суна телефон и набрал номер Шэнь Чуншаня.

Тот ответил лишь со второго раза. Голос отца звучал взволнованно и сбивчиво, но в остальном абсолютно нормально. Шэнь Нянь немного отмяк:

— Ты сам не пострадал?

— Со мной всё в порядке, — отмахнулся Шэнь Чуншань. — Главное — не забудь забрать Сяо Чжи.

Связь оборвалась. Шэнь Нянь пару секунд молча смотрел на погасший экран, затем вернул телефон учителю. В этот момент как раз прозвенел звонок. В голове путались мысли, он даже не стал заходить в класс за вещами — сразу направился к выходу. Но едва он спустился с крыльца, как его перехватил Лян Цю:

— Ты куда размылся?

Только тут Лян Цю заметил, как бледен друг:

— Эй, да на тебе лица нет. Что стряслось?

— Отец, кажется, в аварию попал, — отозвался Шэнь Нянь.

Пятнадцатилетний Лян Цю от таких новостей тоже опешил:

— В какой он больнице? Сильно задело? Поехали вместе!

— Не надо, — качнул головой Шэнь Нянь. — Я только что с ним говорил. С ним всё в порядке, он даже не в больнице. Что там точно произошло, сам не знаю, но мне надо забрать Гу Чжи.

Услышав это, Лян Цю немного успокоился, и даже его неприязнь к «маленькому извращенцу» отошла на задний план:

— Ладно. Если что узнаешь — сразу звони.

— Хорошо.

Шэнь Нянь думал, что Гу Чжи всё ещё на дополнительных занятиях, поэтому особо не торопился. Но когда автобус привёз его к школе, оказалось, что мальчик ни на какую секцию не пошёл — он стоял у ворот, нервно озираясь по сторонам.

Увидев Шэнь Няня, Гу Чжи не стал упрямиться, как в их первую встречу, но и радости не изъясил. Более того, его чутьё мгновенно забило тревогу:

— Где дядя Шэнь?

— Дома поговорим, — Шэнь Нянь развернулся к автобусной остановке.

Однако Гу Чжи не сдвинулся с места. Напротив, молчание Шэнь Няня довело его до крайнего каления:

— Я тебя спрашиваю! Где дядя Шэнь?! Ты же живёшь в школе, с какого перепугу припёрся ты?!

Глядя на Гу Чжи, Шэнь Нянь вспомнил его болезненную привязанность к Шэнь Чуншаню и по-своему понял эту панику. Опасаясь, что тот вот-вот сорвётся, он решил больше ничего не скрывать:

— Отец попал в аварию. Сегодня он не сможет тебя встретить, поэтому позвонил моему учителю и попросил меня приехать.

Лицо Гу Чжи мгновенно перекосило от страха:

— В какой он больнице?!

— Да с ним всё в порядке, я с ним разговаривал. Просто у него сейчас дела, он не может приехать.

— Где он?! — рявкнул Гу Чжи, уже почти не владеющий собой.

Шэнь Нянь молча смотрел на него. Когда казалось, что парень сейчас окончательно слетит с катушек, он тихо проговорил:

— Я не знаю. Он не сказал.

Гу Чжи уставился на него так, словно не мог взять в толк, как вообще можно не знать таких вещей. Но тратить время на перепалку он не стал: развернулся и опрометью бросился в ближайший круглосуточный магазинчик, где схватил телефон-автомат и набрал номер Шэнь Чуншаня.

Тот долго не поднимал трубку — прошёл один гудок, второй. Шэнь Нянь стоял у дверей и видел, как Гу Чжи буквально корчится от отчаяния и страха. Но тот заставил себя остаться у аппарата и настойчиво нажимал на вызов снова и снова.

Наконец на том конце ответили. И вся дикая ярость Гу Чжи в мгновение ока сменилась слепой тревогой:

— Дядя Шэнь! Ты где?! Ты не ранен?!

Шэнь Нянь не слышал, что отвечает отец. Зато он слышал, как Гу Чжи упорствовал, с боем выбивая адрес, требуя немедленно разрешить ему приехать. Словно слова Шэнь Чуншаня о том, что всё хорошо, ничего не стоили — Гу Чжи нужно было увидеть его своими глазами.

Судя по всему, Шэнь Чуншань сдался и назвал место. Гу Чжи тут же бросил трубку и выскочил на улицу. Торговец что-то закричал ему вдогонку про оплату, но мальчишка даже не повернулся — расплачиваться пришлось Шэнь Няню.

Выскочив на дорогу, Гу Чжи пытался поймать такси, но как на грех все машины шли с пассажирами. Тогда он побежал вдоль улицы, непрерывно оглядываясь назад. Поняв, что такси не предвидится, он прибавил ходу, готовый, кажется, пересечь весь город пешком.

Шэнь Нянь держался неподалёку. И именно в этот миг он вдруг осознал, почему Шэнь Чуншань так привязался к Гу Чжи. Почему среди двух мальчиков отец выбрал именно этого. Потому что поведение Гу Чжи — это и есть то, как должен вести себя настоящий сын.

Страх Гу Чжи не был фальшью или сценой для зрителей. Каждая жилка в нём дрожала от ужаса за Шэнь Чуншаня. Он безумно боялся потерять его и не верил успокоительным словам по телефону, подозревая, что отец просто скрывает боль.

А что сам Шэнь Нянь? Он тоже переживал за отца, но выбрал путь послушания. Он побоялся задать лишний вопрос, чтобы не отнимать у отца время, побоялся приехать, чтобы не стать

обузой.

Так казалось всё его детство, привычка не доставлять никому хлопот, прятать все чувства глубоко внутри.

Но если встать на место Шэнь Чуншаня... Какая забота ему ближе? Сдержанная и скупая на эмоции от Шэнь Няня или бурная, отчаянная любовь Гу Чжи? Будь Шэнь Нянь на месте отца, он, пожалуй, тоже выбрал бы Гу Чжи.

Никто не способен до конца понять другого человека. Если ты молчишь, никто не узнает, что у тебя на душе. А тихая, запрятанная глубоко внутрь забота в глазах окружающих ничем не отличается от равнодушия.

В этот момент возле них притормозила свободная машина. Шэнь Нянь махнул рукой, сел на заднее сиденье и коротко бросил водителю:

— Едем за тем мальчиком.

Полминуты спустя такси сравнялось с Гу Чжи. Заметив через стекло Шэнь Няня, тот молча юркнул на переднее сиденье. Но, прежде чем захлопнуть дверь, всё же обернулся:

— Брат Няньнянь, а ты-то чего тащишься? Сидел бы себе тихонько дома, разве не лучше?

Шэнь Нянь понял, что тот язвит, намекая на его чёрствость к отцу. Но объяснять ничего не стал — перед Гу Чжи бисер метать не имело смысла. Он просто отвернулся к окну. Гу Чжи, сгоравший от тревоги за Шэнь Чуншаня, тоже потерял охоту цепляться и лишь раздражённо фыркнул.

Они примчались к больнице. Когда они вбежали в холл, Шэнь Чуншаня уже обступила плотная толпа. Люди орали, осыпали его бранью, а самые распалённые уже распускали руки. Шэнь Нянь только успел разглядеть в центре этой каши отца, как Гу Чжи уже с перекошенным лицом рванул вперёд. В руке у него откуда-то взялся увесистый обломок кирпича. Врезавшись в толпу, словно бешеный пёс, он встал перед Шэнь Чуншанем, закрывая его своим телом, и зарычал на нападавших:

— Назад, суки! Кто хоть пальцем его тронет — башку прошибу! Подходи, если жить надоело!

Шэнь Чуншань попытался оттащить его за спину, но откуда у мальчишки взялось столько силы? Сдвинуть его с места отец не смог. Хрупкий с виду Гу Чжи встал стеной, отгородив Шэнь Чуншаня от беснующейся своры.

Его безумный вид действительно испугал людей. Толпа замерла — не то перед самим Гу Чжи, не то перед кирпичом в его кулаке. Вокруг на мгновение стало тихо.

Но если драться они передумали, то орать не прекратили.

— Пацан, ты чего лезешь не в своё дело?! Твой папаша сбил нашу девчонку! Ей ногу оттяпать могут, а у него ни гроша за душой! Он виновник аварии, куда ни пойдё!

— Ей же всего двадцать лет! Как ей теперь жить?! Всю жизнь человеку сломал!

— Скажи спасибо, что выжила! А если б твой папаша её насмерть придавил — он был бы убийцей!

Толпа снова зашумела. Шэнь Чуншань стоял совершенно раздавленный, со слезами на глазах:

— Я сам не ожидал... Я уже вызвал полицию, они во всём разберутся. Если виноват я — я за всё отвечу, до последнего гроша...

— Ты на что это намекаешь?! Что мы сами под колёса бросились?! Что деньги с тебя вымогаем?! Совесть у тебя есть?!

— Да что с ним разговаривать! Он на грузовике сбил пешехода — пусть платит!

Эти слова подействовали на толпу как масло, плеснутое в огонь. Забыв про Гу Чжи, двое самых агрессивных мужчин сорвались с места и со всей силы толкнули Шэнь Чуншаня в грудь. Третий замахнулся, намереваясь вклепить ему затрещину.

В тот же миг Гу Чжи наотмашь метнул свой кирпич — прямо в голову обидчику, не задумываясь о последствиях.

И ровно в эту секунду Шэнь Нянь, пробившись сквозь толпу, заслонил собою мужчину.

Тяжёлый осколок с глухим треском врезался ему прямо в лопатку. Удар был такой силы, что Шэнь Нянь пошатнулся и едва не рухнул на бетонный пол.

— Ты совсем сдурел?! — рявкнул Гу Чжи.

Он никак не ожидал, что Шэнь Нянь подставится под удар. Но разгневался он вовсе не потому, что навредил Шэнь Няню, а оттого, что тот помешал ему отомстить за отца.

Шэнь Чуншань обомлел. Он не думал, что Гу Чжи действительно запустит кирпичом, и уж тем более не ожидал, что Шэнь Нянь бросится наперерез. Покрывшись холодным потом, отец кинулся к сыну, судорожно ощупывая его:

— Няньнянь! Ты как?! Где болит?! Куда попало?! В голову не задело?!

Шэнь Нянь, смертельно бледный, с трудом качнул головой:

— Папа, со мной всё в порядке...

Шэнь Чуншаню и без того хватало бед. Знай он, чем оборачивается приезд Гу Чжи, он бы ни за что не назвал ему адрес. Он-то думал, что мальчик просто перепугался и хочет убедиться, что с ним всё цело. Но он забыл про нездоровую, фанатичную привязанность Гу Чжи. А уж пока тот ехал, подтянулись родственники пострадавшей, и ситуация окончательно вышла из-под контроля.

Теперь ещё и Шэнь Нянь пострадал.

Шэнь Чуншань повернулся к Гу Чжи, едва сдерживая ярость:

— Ты что вытворяешь?! Ты хоть понимаешь, что делаешь?!

Гу Чжи ничего не понимал и понимать не хотел. Он просто хотел защитить Шэнь Чуншаня, не дать этой своре растерзать его. Ему казалось, что эти люди готовы заживо содрать шкуру с бесхитростного дяди Шэня. В чём его вина? Но Шэнь Чуншань выглядел настолько разгневанным, что Гу Чжи растерялся и впервые не знал, куда девать глаза.

Нападавшие тоже опешили от такой развязки и на секунду притихли. Впрочем, ненадолго. Осознав, что только что произошло, они вновь принялись орать. Пускай кирпич и не попал в них, но ещё немного — и тут была бы кровавая баня!

Гвалт поднялся такой, что у Шэнь Няня раскалывалась голова. К счастью, это длилось недолго: подоспел наряд полиции, который Шэнь Нянь успел вызвать с автомата неподалёку. Стражи порядка быстро сбили спесь с буйнов, оценили обстановку и заставили толпу разойтись.

Гу Чжи стоял в стороне, виновато и исподлобья поглядывая на Шэнь Чуншаня. Но у того в голове была такая каша, что до чувств мальчишки ему не было никакого дела.

Отца колотило от одной мысли: не подставься Шэнь Нянь под этот кирпич, дело закончилось бы решёткой. Гу Чжи умел наделать делов.

— Пошли к врачу, — Шэнь Чуншань схватил Шэнь Няня за руку. — Надо осмотреться, мало ли что. Куда пришлось? В голову не попало?

Шэнь Нянь отрицательно качнул головой:

— Нет, только в спину. Не надо к врачу.

Шэнь Чуншань хотел было настоять, но к ним уже подошли сотрудники автоинспекции — требовалось дать показания. Отец с тоской взглянул на сына, но Шэнь Нянь тихо успокоил его:

— Иди, всё нормально.

Шэнь Чуншань ушёл с полицейскими в приёмный покой. Гу Чжи дёрнулся было за ним — он панически боялся оставлять дядю Шэня наедине с теми людьми, — но Шэнь Нянь окликнул его:

— Ты ничем ему не поможешь.

Гу Чжи резко развернулся. Вся накопившаяся за день злоба и обида исказили его лицо, и взгляд, брошенный на Шэнь Няня, был способен сожрать живьём.

— Я не помогу?! А ты, значит, поможешь?! — выплюнул Гу Чжи с ядовитой ухмылкой. — Он тебе хоть и не родной отец, но растил тебя пятнадцать лет! И ты спокойно смотришь, как его смешивают с грязью?! Я так не могу!

— И что же ты сделал? — Шэнь Нянь даже не нахмурился. Он смотрел на него абсолютно спокойно. — Заступился? Калечил человека? А дальше что? Теперь ему придётся кланяться им в ноги и извиняться за твои выходки.

— Они на него наехали! Почему мы должны извиняться?!

— Потому что ты ударил человека, — Шэнь Нянь смотрел Гу Чжи прямо в глаза. — Драка — это преступление. Тебе тринадцать лет, неужели ты не понимаешь таких простых вещей? В аварии отец, может, и не виноват, но из-за твоего кирпича ему придётся отвечать ещё и за тебя.

То ли эти слова попали в цель, то ли Гу Чжи просто не нашёл аргументов, но возражать сразу он не стал. Впрочем, признать правоту того, кого он терпеть не мог, было выше его сил. Спустя минуту он всё же буркнул:

— А сам-то? Стоять и смотреть — это, по-твоему, выход?

— Я, может, и не могу ему помочь, — ровно произнёс Шэнь Нянь. — Но я хотя бы не стану для него обузой.

Шэнь Чуншань велел им идти домой, но Гу Чжи и не думал уходить без него. Шэнь Нянь понимал, что дома делать всё равно нечего — тетради с уроками остались в школе, — поэтому просто присел на каменные ступеньки у входа.

Один сел слева, другой — справа. Как два совершенно чужих человека.

Впрочем, они и были чужими. Если бы не эта авария, они бы ещё долго не увидели друг друга.

Удар кирпича поначалу вызывал лишь онемение, но теперь, когда шок прошёл, лопатку жгло тупой, ноющей болью. Шэнь Нянь даже не мог согнуть спину — приходилось сидеть струной. Выдерживать такую позу долго было неважно, и он то и дело осторожно менял положение.

Гу Чжи тоже не сидел на месте, но не от боли — он сходил с ума от неизвестности. Посидев пару секунд, он вскакивал и бежал к стеклянным дверям холла, чтобы заглянуть внутрь. К счастью, осознав свою ошибку, снова лезть в драку он не рисковал.

Шэнь Нянь перевёл дух.

Майский воздух был приятным, ни жарким, ни холодным — если бы только не адская боль в спине.

— Извини.

Голос, раздавшийся за спиной, заставил Шэнь Няня замереть. Он обернулся и с изумлением уставился на стоящего позади Гу Чжи. Чтобы этот паршивец — и просил прощения?

Это было не первое «извини» из уст Гу Чжи, но впервые оно звучало искренне, без капли яда или фальши.

— Не за что, — Шэнь Нянь выпрямился и отвернулся. — Я сделал это не ради тебя.

Он сделал это ради отца. Чтобы не усугублять и без того паршивое положение. Будь на месте Гу Чжи кто-то другой, Шэнь Нянь даже пальцем бы не шевельнул.

— Я извиняюсь не за то, что сказал, — Гу Чжи сделал шаг, спустился на ступеньку ниже и опустился на корточки прямо перед Шэнь Нянем, заглядывая ему в лицо. — Брат Няньнянь, а ты знаешь, что такие люди, как ты, вызывают меньше всего жалости? Ты ведь переживаешь за дядю Шэня не меньше моего, но вечно корчишь из себя ледяную статую. Дядя Шэнь — человек простой. Если ты не покажешь, не скажешь вслух — думаешь, он сам догадается? Не слишком ли ты наивен?

Шэнь Нянь был бледным, но не из-за этих слов — просто спина нола всё сильнее. Сцепив зубы, он поднялся. Оказавшись на ступеньку выше, он смотрел на Гу Чжи сверху вниз. Но в его облике было столько тихой холодной отстранённости, что Гу Чжи даже не почувствовал никакого давления.

— Разве тебе это не на руку? — отчеканил Шэнь Нянь. — Будь я таким же, как ты, как бы ты стал выживать меня из дома?

Гу Чжи на секунду опешил, а затем усмехнулся и встал:

— А ведь ты прав. Хорошо, что ты именно такой.

Шэнь Нянь смотрел на него спокойно и отстранённо. Гу Чжи встречал его взгляд с дерзким вызовом.

Они принадлежали к абсолютно разным мирам, но судьба почему-то столкнула их вместе.

— Гу Чжи, — тихо спросил Шэнь Нянь. — Та жизнь, что у тебя сейчас... ты об этом мечтал?

— Да, — без колебаний отрезал Гу Чжи. — А без тебя она была бы ещё лучше.

Шэнь Нянь слегка улыбнулся. Без злобы, без горькой иронии — просто лёгкая, невесомая улыбка. Гу Чжи ждал, что тот ответит, но Шэнь Нянь лишь развернулся и молча пошёл прочь от больницы.

Дело с аварией решилось без особых юридических сложностей, но Шэнь Няню пришлось на несколько дней вернуться домой и каждый день ходить встречать Гу Чжи из школы. За исключением первого дня, они почти не разговаривали. Гу Чжи ел то, что готовил Шэнь Нянь, а если был в настроении — даже мыл за собой посуду.

Поскольку Шэнь Чуншаня дома не было, мальчишка даже заново цепляться к Шэнь Няню не стал. Эти несколько дней прошли неожиданно спокойно.

Пострадавшей оказалась двадцатилетняя девушка. Перекрёсток был без камер, и доказательств невиновности Шэнь Чуншаня не имелось вовсе, чем всю пользовались её родственники. Но когда Шэнь Чуншань уже отчаялся что-либо доказать, сама девушка неожиданно призналась: она переходила дорогу на красный свет, и водитель не виноват.

Её родня чуть не разнесла палату от ярости, но девчонка, несмотря на недавнюю ампутацию ноги, стояла на своём. Тем не менее полностью снять ответственность с Шэнь Чуншаня не удалось. Учитывая тяжесть травмы и давление семьи, суд обязывал его выплатить триста сорок тысяч юаней компенсации.

Для их небогатой семьи это был смертный приговор. Завод гуманно выделил шестьдесят тысяч, но остаток — ещё больше двухсот тысяч — ложился на плечи отца. Шэнь Чуншань посидел буквально за одну ночь.

Шэнь Няню было всего пятнадцать, он готовился к экзаменам и ничем не мог помочь. К тому же отец, желая оградить сына от проблем, отправил его обратно в школу, велел сосредоточиться на учёбе.

Узнав об этом, Лян Цю отреагировал без лишних драматизирований:

— Если хочешь помочь, я могу попросить родителей дать эти деньги. Но учти: я делаю это не для дяди Шэня, а для тебя. Я знаю, что ты от него ничего уже не ждёшь, но посмотреть, как ты мучаешься, тоже не могу.

Шэнь Нянь молча уставился на друга. Лян Цю протянул руку и слегка треснул его по уху:

— Сяо Нянь, ты чего на меня так вылупился?

— Посмотреть со стороны — так ты у нас нувориш в первом поколении, — хмыкнул Шэнь Нянь.
— Сходу разбрасываешься сотнями тысяч. Тебе вообще-то пятнадцать.

— У меня-то денег нет, зато у предков есть! — Лян Цю взобрался на парту. — Я у них один сын, если я завою — куда они денутся, дадут.

Шэнь Нянь знал, как Су Сяосяо и Лян Чуньчао души не чают в сыне. Но принимать решение за отца он не имел права. Он колебался: если Шэнь Чуншань сам попросит о помощи, стоит ли брать деньги Лян Цю?

Впрочем, Шэнь Чуншань едва ли стал бы просить через сына — у него были свои хорошие отношения с Лян Чуньчао. Но не успел Шэнь Нянь поделиться этими мыслями, как Лян Цю добавил:

— Сяо Нянь, эти деньги должен отдать именно ты. Даже если дядя Шэнь сам придёт к моим родителям, я устрою такой скандал, что они ему ничего не дадут.

Шэнь Нянь изумлённо вскинул брови.

— Дядя Шэнь растил тебя пятнадцать лет, не тратя особых денег да и заботой не балуя, — сурово произнёс Лян Цю. — Я не хочу, чтобы ты всю жизнь чувствовал себя его должником. Эти двести восемьдесят тысяч — твоя плата за свободу. Даже если ты всё равно будешь считать, что долг воспитания превыше всего, пусть дядя Шэнь знает: проблему решил ТЫ. Пусть видит, кто протянул ему руку в трудную минуту. Может, хоть тогда он изменит к тебе отношение.

После той стычки в больнице Лян Цю перестал винить Гу Чжи. Тот ему по-прежнему не нравился, но Лян Цю понял главное: нелюбовь отца к Шэнь Няню началась задолго до появления «маленького извращенца».

Без Гу Чжи отец бы не бросил работу дальнотойщика.

Шэнь Чуншань не ценил сына с самого начала, а не потому, что появился другой ребёнок.

Шэнь Нянь и сам это понимал, оттого и поставил на отце крест. Лян Цю не мог изменить прошлое, но если деньги могли заставить Шэнь Чуншаня относиться к Шэнь Няню лучше — пусть даже из чувства вины — он был готов на это пойти.

Шэнь Нянь молчал. Лян Цю сменил тон и игриво подмигнул:

— Ну что, круто я придумал?

Шэнь Нянь не удержался от улыбки:

— Круто.

Принесёт ли это свободу, Шэнь Нянь не знал. Он был слишком мал, чтобы понимать, можно ли купить свободу за двести восемьдесят тысяч юаней. И станет ли легче, когда обретаешь эту свободу? На эти вопросы ему только предстояло найти ответы.

Но даже если Лян Цю прав... Нужна ли Шэнь Няню такая любовь отца? Любовь, замешанная на чувстве вины?

О том, как именно он собирается решать вопрос с долгом, Шэнь Чуншань сыну не рассказывал. Зато на время экзаменов выкроил два дня, чтобы побыть рядом.

Шэнь Нянь сдал всё отлично. Узнав, что семейные неприятности не повлияли на учёбу, отец облегчённо вздохнул:

— Вот и ладно, вот и хорошо...

Он ничего не говорил о том, что дома каждый день дежурят кредиторы. Не хотел отвлекать сына перед поступлением. Но теперь, когда экзамены остались позади, у него созрел план, который напрямую касался Шэнь Няня. Вернувшись домой, отец выложил всё начистоту:

— Я решил продать грузовик. Добавлю сбережения — как раз хватит расплатиться.

Шэнь Нянь в этот момент мыл руки у водоразборной колонки во дворе. Шэнь Чуншань качал воду и говорил как бы между прочим, словно не замечая, как замер сын. Не дождавшись продолжения, Шэнь Нянь спросил:

— А сам что делать будешь?

— Вернусь на дальние рейсы, — улыбнулся отец. — Там платят больше.

Шэнь Нянь невольно взглянул на северную террасу. С самого прихода он чувствовал, что с Гу Чжи что-то не так. Обычно, стоит Шэнь Няню появиться на пороге, тот впивался в него враждебным взглядом. Но сегодня Гу Чжи не спускал глаз с Шэнь Чуншаня.

— А как же Гу Чжи? — внутри у Шэнь Няня всё сжалось от недоброго предчувствия.

Шэнь Чуншань помрачнел и замолчал. И чем дольше длилась эта пауза, тем сильнее становилась тревога. Едва Шэнь Нянь собрался переспросить, отец выдохнул:

— В старшей школе ты больше не будешь жить в общежитии. Вернёшься домой, будете присматривать друг за другом.

Этого ответа Шэнь Нянь и боялся. Слова отца лишь подтвердили худшие опасения. И в первую же секунду у Шэнь Няня чуть не сорвалось с языка: «Я дам тебе двести восемьдесят тысяч!».

Он не хотел заботиться о Гу Чжи. У него не было ни сил, ни желания играть в сиделку.

Но озвучить это он не успел. Ему перебила вспышка ярости — не его собственной, а Гу Чжи.

Тот, кто с самого их прихода хранил угрюмое молчание, вдруг взорвался.

— Мне не нужна его забота! — закричал Гу Чжи, сорвавшись с места. Он уставился на Шэнь Чуншаня с дикой обидой: — Почему вы все обращаетесь со мной как с мячом?! Пинаете туда-сюда, весело вам, да?!

Шэнь Чуншань попытался вступить в разговор, но Гу Чжи не дал ему сказать и слова. Лицо мальчишки перекосило от ярости, а в глазах вспыхнула такая лютая жестокость, какой Шэнь Нянь у него ещё не видел. В этот момент Шэнь Нянь отчётливо понял: всё, что было раньше, — это не безумие.

По-настоящему бесноваться Гу Чжи начал только сейчас.

— А помнишь, что ты мне говорил, когда забирал?! — Гу Чжи шаг за шагом наступал на отца. — Ты обещал стать мне отцом! Обещал дать мне дом! Сказал, что будешь рядом, пока я сам не скажу, что ты мне больше не нужен! Ты божился, что бросишь всё на свете, но меня не оставишь! И что теперь?! Что ты делаешь?!

— Ты всё наврал?! — Гу Чжи подскочил к нему вплотную, тяжело дыша. — Зачем обещал, если не можешь сдержать слово?! Поиграть со мной решил?! Нравится смотреть, как меня снова выбрасывают на улицу?!

Шэнь Чуншань дар речи потерял под этим напором. Но Гу Чжи, казалось, всё ещё надеялся услышать иное. Вглядываясь в лицо отца, он тихо, надрывно спросил:

— Тебе обязательно уезжать? Обязательно выставлять меня за дверь? Что я сделал не так?..

Шэнь Нянь тихо отступил на пару шагов назад, стараясь быть незаметным. Это была разборка между Гу Чжи и Шэнь Чуншанем, ему здесь места не было.

Шэнь Нянь был уверен, что отец дрогнет. За целый год Шэнь Чуншань ни разу не отказал Гу Чжи ни в чём. Он из кожи вон лез, лишь бы угодить мальчишке.

Гу Чжи так убивался, что сердце отца должно было разорваться на части.

Но жизнь полна неожиданностей. Ответ Шэнь Чуншаня поразил всех:

— Сяо Чжи, послушай дядю Шэня.

В ответ Гу Чжи со всей силы пиннул бамбуковую скамейку. Та отлетела прямо в кухонное окно — звон разбитого стекла огласил весь двор. Шэнь Нянь замёрз на месте.

— Я спрашиваю тебя последний раз! — завопил Гу Чжи, глядя на отца налитыми кровью глазами. — Ты точно уезжаешь?!

Шэнь Чуншань молчал. Но его молчание сказало больше любых слов. За целый год он впервые проявил такую ледяную твёрдость.

Гу Чжи словно очнулся. Ярость мгновенно сменилась отчаянным заискиванием. Он подбежал к Шэнь Чуншаню, схватил его за руку и жалобно запричитал:

— Тогда... тогда возьми меня с собой! Я буду ездить с тобой в рейсы, как раньше! Помнишь, я же ездил?!

— Сяо Чжи, — в голосе Шэнь Чуншаня проскользнула боль, но решение оставалось непреклонным. — Тебе нужно учиться. Ты не должен скитаться со мной и терпеть лишения.

— Я не боюсь! Я брошу школу, буду учиться сам!

— Не бросай меня! Я же живой человек!

Шэнь Чуншань открыл рот, но так ничего и не произнёс. Его молчаливое сожаление говорило само за себя: менять планы он не намерен.

И тогда Гу Чжи окончательно свалился в безумие. Минутная мольба была лишь затишьем перед настоящей бурей. Он метнулся к разбитому окну, подхватил с земли острейший осколок стекла.

Шэнь Нянь подсознательно натянулся как струна. Шэнь Чуншань тоже обомлел:

— Сяо Чжи! Брось стекло! Ты что удумал?!

Шэнь Нянь сделал шаг вперёд, опасаясь, что Гу Чжи кинется на отца.

Но Гу Чжи и не думал нападать. Он дико закрутил головой и с сумасшедшей улыбкой уставился на Шэнь Чуншаня:

— Дядя Шэнь, когда я в прошлый раз сломал руку, ты бросил работу и целый месяц сидел со мной дома. А если я сейчас изрежу себе руку в мясо? Ты останешься?! А если уедешь — возмёшь меня с собой?!

С этими словами он занёс осколок над собственной ладонью. По его глазам Шэнь Нянь понял: этот псих реально готов искалечить себя.

Шэнь Нянь стоял достаточно близко, чтобы перехватить руку, но не сдвинулся с места. Гу Чжи — безумец. Останавливать безумца — значит подставляться самому. Шэнь Нянь не хотел быть жертвой.

Но Шэнь Чуншань не мог смотреть на это спокойно. Каким-то невероятным рывком он покрыл расстояние между ними и в последнюю секунду перед ударом вцепился в стекло голыми пальцами.

Осколок вырвали, на землю закапала алая кровь — чья, разобрать было невозможно.

— Гу Чжи! — впервые в жизни рявкнул на него Шэнь Чуншань. — Хватит шантажировать меня самоистязанием! Запомни: даже если ты отрежешь себе эту руку, я всё равно уеду! А ты останешься здесь!

Гу Чжи застыл, не веря ушам.

— Почему?.. — выдохнул он спустя вечность.

— Всё решено! — отрезал Шэнь Чуншань.

Отец ушёл в кладовку, вынес совок и веник, собираясь убрать осколки. Но Гу Чжи было не остановить. Раз причинение вреда себе больше не работало, внутри него бушевало пламя, требовавшее выхода.

Ему было плевать на всё. Его снова выбросили. Как и все остальные до этого, Шэнь Чуншань предал его.

Гу Чжи начал крушить всё вокруг. Он разнёс кухню, двор, мебель в доме. Даже кондиционер, который Шэнь Чуншань купил ему год назад, он расколотил тяжёлым предметом, так что тот повис на проводах, готовый вот-вот рухнуть.

Шэнь Чуншань не останавливал его. Шэнь Нянь — тоже.

Гу Чжи был одержим.

На шум звякающего стекла и грохот сбежались соседи из Тростникового переулка. Думали, опять пришла родня сбитой девушки, но, увидав творящееся безумие, застыли у ворот. Гу Чжи всегда казался им вежливым, воспитанным мальчиком. Никто и представить не мог его в таком виде.

Гу Чжи было всё равно, кто на него смотрит. Шэнь Чуншань тоже не пытался оправдываться. Дворик Шэней превратился в театральные подмостки, а особо любопытные соседи даже залезли на крышу соседнего дома.

Шэнь Нянь стоял на самом краю этого хаоса. Он тоже казался сторонним зрителем, хотя прекрасно понимал: из этой пьесы ему не выбраться.

Кто-то из соседей не удержался:

— Чуншань, я же говорил тебе, когда ты привёл этого мальчишку: чужой ребёнок родным не станет! Не приучишь ты его!

— Вот-вот! Посмотри, во что двор превратил!

— То ли дело Сяо Нянь — золотой мальчик!

Шэнь Нянь нахмурился. Гу Чжи и в нормальном-то состоянии не переносил, когда их

сравнивали, а уж сейчас... Шэнь Нянь хотел было попросить соседей уйти, пока ситуация не стала совсем неуправляемой, но тут вмешался сам Шэнь Чуншань.

Всегда добродушный и смирный, отец вдруг заревел на весь переулок:

— Хватит! Посмотрели?! Поглазели — и проваливайте! Не ваше собачье дело, что у нас происходит!

Народ забормотал, обидевшись на грубость:

— Чуншань, ты чего орёшь? Мы же за тебя переживаем!

— Пошли вон! — Шэнь Чуншань впервые схватился за метлу и выгнал зевак за ворота.

Во дворе снова воцарилась тишина. Шэнь Нянь бросил взгляд на Гу Чжи, удивляясь, почему тот никак не отреагировал на сравнение. Впрочем, удивляться было нечему: для Гу Чжи Шэнь Нянь больше не представлял угрозы. Уход Шэнь Чуншаня разрушил его мир до основания, до остальных ему не было дела.

У Шэнь Няня затекли ноги. Не зная, что сказать в этой ситуации, он попытался боком пробраться через разгромленный двор к северной комнате.

Но едва он сравнялся с Гу Чжи, как тот мёртвой хваткой вцепился ему в запястье.

Боль была вспышкой. Но ещё тошнотворнее было ощущение липкой крови. Гу Чжи сжимал его руку окровавленной ладонью.

— Можешь не строить из себя равнодушного, — выплюнул Гу Чжи. Его глаза были красными, но на губах играла безумная усмешка. — Ты же внутри от счастья сдыхаешь, да? Год терпел мои выкрутасы и никак не ожидал, что в итоге выбросят меня?

С каждым словом Гу Чжи сжимал запястье всё сильнее. Шэнь Нянь не знал, болит ли израненная рука самого Гу Чжи, но его собственная кость готова была треснуть. Откуда у мальчишки столько силы? Шэнь Нянь попробовал вырваться, но хватка была мёртвой.

Поборов боль, Шэнь Нянь посмотрел ему прямо в глаза:

— Гу Чжи... ты не единственный, кого когда-либо бросали.

Шэнь Нянь думал, что эти слова вызовут у Гу Чжи лишь взрыв хохота или новую порцию яда. Но Гу Чжи внезапно замер. На секунду в его глазах проскользнула растерянность, после чего

он медленно разжал пальцы.

Шэнь Нянь ожидал, что тот что-то ответит, но Гу Чжи просто отвернулся и снова уставился на Шэнь Чуншаня — словно Шэнь Няня для него больше не существовало.

<http://bllate.org/book/20601/2132736>